

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ММР

№2

ПСИХОЛОГИИ

научно-методический журнал

апрель-июнь'14

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЯ»
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ПСИХОЛОГИИ

Научно-методический журнал

№ 2 (78)

Апрель – июнь

Москва
2014

Главный редактор

Д. И. Фельдштейн

Заместители главного редактора:

C. K. Бондырева, Э. В. Сайко

Члены редакционной коллегии:

*Ш. А. Амонашвили, О. С. Анисимов, А. Г. Асмолов,
С. В. Дармодехин, А. А. Деркач, Ю. П. Зинченко,
В. А. Пономаренко, В. М. Розин, В. В. Рубцов, М. Н. Стриханов,
В. М. Тиктинский-Шкловский, А. Н. Тихонов,
С. Д. Максименко (Украина, Киев),
Michael Cole (Майкл Коул) (USA, San Diego La Jolla),
Serena Veggetti (Серена Веджетти) (Italy, Roma),
Gerhard Witzlack (Герхард Витцлак) (Bundesrepublik Deutschland,
Berlin)*

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Рег. № 014549

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

11. Реан, А. А. Психологическая служба школы : (Принципы деятельности и работа с «трудными») / А. А. Реан. — СПб., 1993. — 43 с.
Rean, A. A. Psihologicheskaja sluzhba shkoly : (Principle dejatel'nosti i rabota s «trudnymi») / A. A. Rean. — SPb., 1993. — 43 s.
12. Сайко, В. Э. Субъект: созиатель и носитель социального / Э. В. Сайко. — М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2006. — 424 с.
Sajko, V. Je. Sub"ekt: sozidatel' i nositel' social'nogo / Je. V. Sajko. — M. : MPSI ; Voronezh : MODJeK, 2006. — 424 s.
13. Трубачев, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистические исследования / О. Н. Трубачев. — М., 1991.
Trubachev, O. N. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan : Lingvisticheskie issledovaniya / O. N. Trubachev. — M., 1991.
14. Фельдштейн, Д. И. Психология развития человека как личности : избр. тр. : в 2 т. / Д. И. Фельдштейн. — М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2005. — Т. 1. — 568 с.
Fel'dshtejn, D. I. Psihologija razvitiija cheloveka kak lichnosti : izbr. tr. : v 2 t. / D. I. Fel'dshtejn. — M. : MPSI ; Voronezh : MODJeK, 2005. — T. 1. — 568 s.
15. Фельдштейн, Д. И. Мир Детства в современном мире. Проблемы и задачи исследования / Д. И. Фельдштейн. — М. ; Воронеж, 2012.
Fel'dshtejn, D. I. Mir Detstva v sovremennom mire. Problemy i zadachi issledovaniya / D. I. Fel'dshtejn. — M. ; Voronezh, 2012.
16. Чудновский, В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни / В. Э. Чудновский. — М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2006. — 768 с.
Chudnovskij, V. Je. Stanovlenie lichnosti i problema smysla zhizni / V. Je. Chudnovskij. — M. : MPSI ; Voronezh : MODJeK, 2006. — 768 s.
17. Ядов, В. А. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций / В. А. Ядов // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — М., 2007. — Вып. 6. — С. 12—23.
Jadov, V. A. Teoretiko-konceptual'nye ob"jasnenija «postkommunisticheskikh» transformacij / V. A. Jadov // Rossija reformirujushchaja : ezhegodnik / otv. red. M. K. Gorshkov. — M., 2007. — Vyp. 6. — S. 12—23.

A. O. Osipova, E. B. Starovojtenko

Символ-слово в поиске решения жизненных проблем

В статье дается теоретическое и практическое обоснование эффективности новых способов символического опосредования самопознания, сфокусированного на проблемной ситуации жизни. Изучается рефлексия жизненной проблемы, осуществляемая с помощью дискурсивно-логических средств, а также символических «фигур», «ландшафтов» и «интерьеров». Обращение с символами артикулируется в текстах личности о возможностях разрешения проблемной ситуации. Результатами исследования являются: модель символа-слова; модель индивидуальности символа; модель жизненных функций самопознания с акцентами на функции индивидуализации и проблематизации; анализ индивидуального случая символического опосредования рефлексии жизненной проблемы; типология форм самопознания по основанию продуктивности разных способов его опосредования. Даётся обоснование гипотезы о развивающем потенциале различных категорий символов в целостном осмыслении «хронотопа», «действующих лиц» и «героя» проблемной ситуации жизни. Намечаются перспективы применения результатов исследования в практике индивидуального психологического консультирования.

Ключевые слова: жизнь, личность, самопознание, проблемная ситуация, символы, символ-слово, индивидуальность, средства рефлексии, символические фигуры, символические ландшафты и интерьеры, типы самопознания.

Мы представляем исследование, посвященное проблеме использования и создания символов в самопознании личности, сфокусированном на жизненных ситуациях. Данная проблема, достаточно широко изучаемая в психологической науке, не теряет актуальности в аспекте углубления, т. к. число применяемых теоретических концепций и методических приемов символического опосредования самопознания приблизительно равно количеству исследователей и практиков, интересовавшихся этой проблематикой. Наше исследование отчасти продолжает такую пролиферацию, но благодаря введению категории «символ слова», а также интегральному теоретико-методологиче-

скому осмыслению с последующим эмпирическим верифицированием имеет своим результатом **новую** психологическую модель применения символов в самопознании личности, основанную на **синтезе** знаний и практик. «Самопознание» выступает здесь в форме «рефлексии» и создания рефлексивного текста, включенных в контекст отношений личности к **проблемным** ситуациям жизни.

Задача данного исследования — подчеркнуть роль *культурных, символических «орудий»* в развитии *индивидуализированного, конструктивного отношения личности к жизненным проблемам*. Раскрытие этой роли предполагает **междисциплинарный подход**, т. к. символ является не только психологической, но и социокультурной реальностью. В данной статье представлена модель развития символически опосредованного самопознания, созданная на основе концепции «психологического орудия» Л. С. Выготского, теории символов К. Г. Юнга и представителей архетипической психологии, теории жизненных отношений личности С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской, Е. Б. Старовойтенко. Психологические идеи углубляются идеями о символах в философии жизни О. Шпенглера, в философских концепциях А. Ф. Лосева, М. К. Мамардашили и А. М. Пятигорского, а также идеями об индивидуальности в теории А. Бергсона.

Исходными для нас явились широкое понимание символа и дифференцированный подход к нему как феномену индивидуальной жизни.

Символ, согласно К. Г. Юнгу, представляет собой вербальное, невербальное или комплексное выражение глубинных импульсов психики, которое не имеет одного устойчивого значения, предполагает бесконечное множество интерпретаций и недоступно рациональному истолкованию. В символах находит свое психологическое воплощение регressive мышление, мышление первобытного человека и ребенка; оно интегрируется с направленным (логическим, понятийным) мышлением, посредством которого мы конвенциально осуществляем рефлексию, речевое выражение жизненных проблем и ищем их решения.

«Предположим, что все, что существует, есть некоторое выражение душевного, но оно одновременно есть и впечатление на душу, и это взаимоотношение, когда человек бывает одновременно субъектом и объектом, представляет собою суть символического», — пишет о символах О. Шпенглер [12. С. 234]. Согласно его концепции символы сравнимы со **знаками**, но их специфика заключается в том, что символы могут быть только чувственно-пространственными, «подчинены законам пространства», «неподвижно ограничены», не эволюционируют, являются «ставшими». Символ ограничен не только в пространстве, но и во времени, т. к. на каждом этапе жизни личности, общества, культуры подвергается перетолкованию. Символы играют динамичную роль «защиты» от тех воздействий, что несут угрозу жизни, вовлекают в зависимость, вызывают «враждебность и благование» и одновременно роль высвобождения сил развития, творчества, самопознания в ответ на вызовы реальности.

Символы в их влиянии на искусство, литературу, гуманитарные науки, бессознательную и сознательную жизнь народов и конкретных индивидов могут быть сравнимы только с научными и философскими понятиями. Эти два типа культурно-психологических феноменов имеют глубокое родство, выступая обобщенными результатами человеческого познания, проживания и творческого духовного синтеза, выраженными в словах и изображениях.

Символы являются чувственно-образно-речевым эквивалентом мысленного обобщения наилучших идей, возникших в истории культуры по поводу той или иной реальности, вызывающей у множества индивидов желания, интерес, интеллектуальные устремления и практические интенции. В индивидуальном принятии, рефлексии и применении символа личность превращает его в «индивидуальность», действующую как относительно автономный аспект ее внутреннего мира, интегрирующий множество жизненных содержаний [10; 11].

Символы явственны, живы, детальны, интимны. Они осваиваются индивидами через сказки, мифы, поэзию, живопись, религиозные и магические ритуалы, детские игры, где служат основными сознательными элементами, замещающими реальность, не похожими на нее и, тем не менее, загадочно подобными ей. Так, идеи о странствии человека навстречу неведомой судьбе, поиске мудрости или подвигов, завоевании в сражениях или умственных состязаниях сокровища — любви прекрасной женщины, вознаграждении короной и верховной властью составляют для личностей разных народов сокровенный, идеальный, воображаемый опыт «овладения жизнью». В культуре он осознается как символ «путь Героя», укорененный, согласно глубинной психологии, в архетеипе Эго-сознания [7].

Необходимой формой порождения, существования и выражения символа является, как отмечалось, «слово». В слове символ говорит о своем генезе, множестве воплощенных событий, объектов и индивидуальных впечатлений, о своей способности порождать другие символы, о своей значимости для конкретной личности, нашедшей в нем средство прозрения, понимания, толкования, интерпретации себя и мира, к которому она причастна. *Символ — это словоличности.* Юнг пишет в «Красной книге»: «Символ — это слово, что исходит изо рта, которое не просто произносится, а возносится из глубин самости как слово силы и великой нужды и неожиданно оказывается на языке. Это поразительное и, возможно, кажущееся иррациональным слово, но его признают символом, ибо оно чуждо сознательному разуму. Если человек принимает символ, как будто раскрывается дверь, ведущая в новую комнату, о существовании которой раньше и не подозревали. Но если символ не принимают, как будто беззаботно проходят мимо этой двери, и поскольку это была единственная дверь, ведущая во внутренние чертоги, придется снова выйти на улицы, обратившись ко всему внешнему. Но душа испытывает великую нужду, ибо внешняя свобода ей без пользы. Спасение — это долгая дорога, ведущая сквозь много врат. Эти врата — символы» [17. С. 260]. *Символ, раскрывающий себя и свои потенциалы в слове,* является частью познавательного и рефлексивного процессов, но все же существенно противостоит их отвлеченности, логической упорядоченности и рациональности. Это происходит благодаря тесной связи символа с продуктивным представлением, воображением, фантазией. Так же, как Возрождение, Романтизм и Серебряный век, современная культурная эпоха увлечена творческими символическими образами. Р. Барт [1] заключает, что современный устный и письменный текст отличается тотальным вторжением образа, вытесняющего традиционную абстрактность понятий. Это выражается в слиянии образов, слов и стоящих за ними идей, что и составляет суть символизма.

Вовлекаемые в познание и **самопознание** символы, закономерно находящие словесную презентацию, обладают свойством соотносить и объединять между собой не только элементы сознания, но и элементы «бессловесного», «бессмысленного» мира, каким является бессознательное. Кроме того, символ уводит субъекта от конкретных референтов в ментальный мир с

его образно-понятийными трансформациями. Образное содержание, присущее в **символе-слове**, служит средством перехода к основному, концептуальному, значению, средством поиска решения жизненных задач и выражения намерений реализовать решение в действии или поступке.

Символ имеет внутреннее напряжение, связанное с загадочностью, проблемностью символизируемого, с отсутствием прозрачности соотношения его элементов, с неизвестностью того, что личность стремится осмыслить, вообразить и высказать. Напряжение символа-слова возникает и под влиянием переживаний субъекта, который выражает в нем не только знание и незнание о предмете, но и *внутренне пристрастное отношение* ко всему, что связано с этим предметом.

В контексте дискурсивного познания и самопознания личности символы способны к спонтанному взаимодействию, появляясь и ассоциируясь в продуктивном процессе, подобном цепной реакции. Освещая в этом процессе основные значения референтов, символы устанавливают между ними необычные отношения, осознание и обоснование которых может стать для субъекта задачей интеллектуального и рефлексивного **творчества**. Символы, осознаваемые, идентифицируемые с «Я», выражаемые в слове, могут образовывать богатые личные символические миры, по которым особенно легко распознается талант личности.

У символов, наиболее действенных в индивидуальной жизни и самопознании, всегда обнаруживается архетипический корень. В континууме определений **«архетипов»**, данных К. Г. Юнгом, представлены все его основные характеристики.

- «Архетипы представляют собой системы **установок**, передающихся по наследству вместе со структурой мозга, являясь ее психическим аспектом. Это “хтоническая” часть души, через которую она связана с природой, миром, землей» [13. С. 136].
- «Архетип есть изначальное, объединяющее, **образное** выражение живого процесса. Он вносит упорядочивающий и связующий **смысл** в чувственные и внутренние восприятия... и этим освобождает психическую **энергию** от прикрепления ее к голым и непонятным ощущениям. Но в то же время он прикрепляет энергию к определенному смыслу, который направляет действия человека» [14. С. 542].
- «Развитие архетипа ведет к **идее**, которая есть не что иное, как изначальный образ, достигший мысленной формулировки. За пределы идеи идет развитие **чувств**... Если индивид оказывается неспособным сочетать чувство с идеей, изначальный образ вступает во внутреннее поле зрения в качестве **символа** и овладевает чувством, захватывая и идею» [Там же. С. 543].
- «Восприятие **новой** ситуации жизни осуществляется архетипом, имеющимся априори. Он является удобно приложимой формулой, без которой восприятие и осмысливание новых фактов было бы невозможно» [Там же].
- «Все самые мощные **идеи** и **представления** человечества сводимы к архетипам. Особенно это касается религиозных представлений. Но и центральные научные, философские и моральные понятия не являются исключением. Их можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою нынешнюю форму, благодаря **сознанию**, функция которого заключается не только в том, чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума мир внешний, но и в том, чтобы **творчески** переводить мир внутренний во внешний» [13. С. 133].

Как способы культурной экспликации и развития архетипов символы имеют предметно-фигуративную, изобразительную и пластическую формы, обладающие разными потенциалами поддержки рефлексии личности в условиях проблемных жизненных ситуаций. Эти потенциалы зависят, в частности, от уровня синтеза интуитивно-чувственных впечатлений и рациональных содержаний, воплощенных в символе. Такой синтез наиболее совершенен в **произведениях** мастеров изобразительного искусства. Полагаем, что символами, продуктивно опосредующими рефлексию жизненных проблем, могут выступать художественные изображения архетипических **фигур, ландшафтов и исторических интерьеров**. Именно с их помощью в условиях рефлексии проблемных ситуаций личность может образно промоделировать способы разрешения проблемы в аспектах времени и пространства (хронотопа), «Я» и «Других».

Методологическим основанием настоящего исследования является персоналогический синтез герменевтики, теории и психопрактик личности [8], направленный на раскрытие возможностей рефлексии в динамике жизни и жизненных отношений, на осмысление символов как культурно-психологических средств рефлексии и создания рефлексивных текстов, на *разработку и применение методики символического опосредования самопознания*.

В своем теоретическом и эмпирическом исследовании мы применили **герменевтические приемы**, основанные на философской и психологической герменевтике М. Хайдеггера, П. Рикера, В. Дильтея. Кажется особенно важным положение Дильтея [5] о том, что символ является связующим звеном между тенденцией к созданию единства текста привходящими элементами его формы и тенденцией к объединению текста «продуктивным стремлением» автора текста к целостности содержаний.

На основе герменевтики культурных источников, а также проведенного ранее теоретического и эмпирического исследования самопознания, опосредованного символами архетипических фигур, нами была разработана **модель «индивидуальности символов»**, служащая обоснованию *возможностей индивидуализации решения жизненных проблем*, определяющая позитивное личностное обновление жизни. В качестве единицы описания было выбрано взаимодействие личности с символом. Модель образуется континуумом следующих положений.

1. Символ является знаком некоторого явления, но означаемое и означающее его связаны «динамично», с большим числом степеней свободы. Инскрипцию символа невозможно произвести два раза одинаково, символ каждый раз воссоздается заново субъектом действий с символом (интерпретации, творчества). Отсюда представления К. Г. Юнга и А. Ф. Лосева о «бесконечном множестве значений» символов.

2. Символ доступен как для логического расшифровывания, так и для интуитивного поиска значений, всегда имеющего уникальный личностный характер. Познание себя и мира, опосредованное символами, не является неоспоримым и безусловным, но при этом отмечено чувством «персональной истинности».

3. В символотворчестве проявляется, актуализируется и формируется архетипика жизни, в том числе архетипы индивидуализации и индивидуации, облеченные в формы уникальных продуктов воображения, творческой мысли и проницательной рефлексии личности.

4. Применяя символы в самопознании, личность наделяет их индивидуальностью, связанной, однако, с универсальным, всеобщим. Она продвигает личность в понимании богатства своей жизни и потенциала ее внешней и внутренней разделенности с множеством других людей.

5. Индивидуальность символов обусловлена жизненной направленностью, желаниями, мотивами, намерениями личности, их соотношением с означающим и означаемым. Символ во многом является носителем проекций коллективного и личного бессознательного, но его «семиотическая и семантическая заполненность» обусловлена, прежде всего, тем, что осознанно, рационально закладывает в символ его автор-интерпретатор.

6. Интерпретация символов является ситуативно обусловленной, и разные личности производят ее в соответствии со своими актуальными ценностями, переживаниями, проблемами, интеллектуальными состояниями. Здесь «индивидуальность символа» отчасти нивелирует его общезначимые содержания, которые, впрочем, вновь выходят на первый план после проживания ситуации.

7. Значения символов являются конвенционально обусловленными: создавая, интерпретируя и применяя символы, мы предполагаем, какие значения мог бы увидеть в данном конкретном символе Другой, его адресат. Мы думаем, какие значения могут и должны быть увидены в символе нашим близким, представителем нашего общества или малой группы с его культурой, ментальностью. Символ может быть средством преодоления конфликта, названного В. А. Петровским «кризисом нашей неотраженности другими».

8. Индивидуальность символов представляет собой систематизированную целостность, динамически развивающуюся в некотором контексте. А. Бергсон [2] пишет об «индивидуальности» как о подверженной воздействию времени. Символы также ограничены во времени. Индивидуальности объекта А. Бергсон противопоставляет самостоятельность его частей и их возможность стать новыми целостностями. В случае с символом воспроизвести его из знаков или отдельных значений невозможно, т. к. они сами по себе не обладают теми же свойствами, что и символы.

9. За символом-индивидуальностью скрыто множество референтов. Эта особенность символа-знака является проявлением его парадоксальности. Каждый символ-знак, претендующий на всеобщность, всегда адресован человеком кому-то или себе самому, и каждый раз интерпретируется адресатом по-новому, раскрывает новые смыслы. Такое свойство символов создает возможность недирективной, гибкой идентификации личности с их формой и содержаниями.

Индивидуальность символов может определять **индивидуализацию рефлексии**, направленной на осмысление жизни в ее противоречиях и проблемах. Значимость понятийных конструктов и «общих» суждений в самопознании, сопровождаемом символизацией жизненных содержаний, снижается за счет раскрытия в символах и при их артикуляции «моих переживаний», «именно моих мыслей», «только моих решений». В силу того что понятое, переосмысленное и высказанное в одной ситуации рефлексии — символотворчества творчески меняется в другой, символическое знание становится «универсальным» орудием поступательного самопознания индивидуальной личности, даже будучи недоказанным и недосказанным. Применение символов, будучи менее трудоемким и более субъективным, чем логико-рефлексивный процесс, иначе организует восприятие, мышление, речь и поведение личности. Символическая деятельность в единстве с эмоциональной и образной, мыслительной и речевой, рефлексивной и практической активностью может стать важной образующей индивидуального отношения к жизненной ситуации и ее потенциалам.

Индивидуализация рефлексии посредством символов становится возможной вследствие их **адресации**. Символ, как и любой другой знак, имеет адресата, но в случае с символом адресатом может быть далеко не каждый человек. В первую очередь им является автор или новый пользователь символа,

т. к. они же являются первыми интерпретаторами. Участникам нашего исследования иногда не удавалось и не хотелось пояснить особенности использования некоторых символов. Часто исследователь не входил в число тех, кому символические средства рефлексии должны быть понятны по замыслу их пользователя. В условиях диалога с адресатом пользователь символа должен «совершить челночный бег» от собственных пониманий и преобразований символов к пониманию их от лица адресата, Другого и к реальному пониманию их Другим. Этот «путь» символа индивидуализирует как самопознание личности, так и ее взаимодействие с адресатом.

В контексте символически опосредованного самопознания символ демонстрирует свойства, отличающие его от классического знака. Во-первых, он создается здесь и сейчас, не является понятием, несводим к одному понятию. Логически выстроенная, стремящаяся к прозрачности связь «означаемое — означающее» здесь отсутствует. Символ невозможно буквально воспроизвести: вместо него получается другой «знак» референта. Во-вторых, число значений символа неопределенно, они не синонимичны, нередко друг другу противоречат. Возникает впечатление игры со значениями символа. В-третьих, при актуализации символа, в условиях его вербального выражения растет эмоциональность речи, выделяющаяся на фоне других особенностей текста личности. Эмоциональная экспрессия вовлекает адресата символа-слова в активное понимание и совместное развитие текста.

Индивидуализирующее значение символа в процессах рефлексии жизненных ситуаций и создания проектов изменения жизни связано с тем, что функция индивидуализации взаимосвязана, гибко взаимодействует, включает в свою реализацию множество других функций символа. В наших исследованиях были выделены следующие функциональные назначения символов в самопознании, поддерживающие функцию индивидуализации или конфликтующие с ней: 1) коммуникативная функция; 2) функция проблематизации жизненной ситуации; 3) экспрессивная функция символов; 4) фантазийная функция символов; 5) трансцендирующяя функция символов; 6) функция интеграции психических содержаний; 7) эстетическая функция символов; 8) функция развития самопознания.

Функции символов в рефлексии и разрешении проблемной жизненной ситуации были выделены, в частности, на основе герменевтического анализа ряда рефлексивных текстов. Это «Воспоминания, сновидения, размышления» К. Г. Юнга [15], «Самопознание» Н. А. Бердяева [3], «В поисках утраченного времени» М. Пруста [9]. В рефлексивном тексте в связи с обращением к символу бывает ярко выражена одна ведущая функция. В нашем случае — *функция индивидуализации проблемной ситуации*. Но не встречается таких символов, которые выполняли бы только одну функцию. Например, в книге М. Пруста «Под сенью девушек в цвету» в части «Имена местности. Местность» [9] главный герой обращается к *образам моря*, которые создавал в своем воображении, забывая, «что под их красками скрывается унылая пустота пляжа, где носится беспокойный вечерний ветер». «При виде корабля, удалившегося точно путник среди ночи, я испытывал то же чувство, которое однажды узнал в вагоне, чувство, как будто я освобожден от необходимости сна и заточения в комнате. <...> Я бросался на постель; и словно лежа в одной из тех лодок, которые были совсем недалеко от меня и на которые странно смотреть ночью, когда они медленно движутся в темноте, точно лебеди, мрачные и молчаливые, но противящиеся сну, — я со всех сторон был окружен образами моря». В содержании данного отрывка находят выражение две основные

функции символов «лодка» и «море» — функция фантазийная и функция индивидуализации самопознания. Вторая следует из особого переживания автором-героем определенного момента времени: он описывает это время как «сущестное», когда оно было наполнено «мыслию о девушках». «Лодка» и «море» означали для героя Пруста возможность погрузиться в мир фантазий, время покоя и обращения к «Я». О своих «морских» грезах он пишет: «Я находил прелесть в этих мгновениях, бесполезных и свободных от всякого материального бремени, в течение которых, пока другие обедали внизу, я обращал силы, накопленные за этот час вечернего бездействия, на то, чтобы... надеть смокинг, завязать галстук и проделать это с удовольствием от мысли, что я вновь увижу ту или иную женщину». С помощью образов корабля и лодки, символизировавших путешествия, свободу от обязательств и привычного порядка вещей, автор реконструирует ситуацию, когда чувствовал себя свободным от необходимости сна и даже от потребности в нем. В данном случае можно также говорить о **проблематизации жизненной ситуации**: у главного героя появляется возможность пойти на внутреннее освобождение от планов, обязательств, привычных отношений; он может сосредоточиться на переживании *的独特的, личного, возвращающего к себе*. Символ лодки и связанные с ним морские образы выполняют также **эстетическую функцию**: автор пишет об удивительной гармонии серых и розовых красок, которую мог наблюдать и представлять, упоминает «восхитительно изысканные оттенки». Все актуализируемые героем функции символов реализуются в *единстве, обеспечивающем индивидуализацию его самопознания ради внутреннего обновления своего жизненного состояния*.

В наших исследованиях роль символов в самопознании была обоснована тем, что символы могут выступать в качестве средства расширения границ осознания жизненной ситуации, в качестве «орудия» поиска жизненной проблемы и ее разрешения, в качестве референта коммуникации, в качестве воображаемого «собеседника», замещая значимого Другого, в качестве инструмента добывания нового знания личности о себе и своих возможностях. Символ может быть и «ловушкой» для самопознания, когда он становится причиной фокусировки внимания на содержаниях, не соответствующих подлинной проблематике жизненной ситуации. Разные «ипостаси» символов имеют в своей основе и общие закономерности, и характерные для конкретной личности способы взаимодействия с символом.

Важным этапом данного исследования выступило **эмпирическое изучение применения символов в самопознании проблемной жизненной ситуации**. На основе построенной теоретической модели символического опосредования рефлексии была поставлена **методическая проблема** исследования — разработка инструментария для исследования символотворчества в процессе рефлексии жизненной проблемы и поиска ее решения.

Гипотеза эмпирического исследования состояла в том, что применение и артикуляция символов в самопознании жизненной ситуации обеспечивают глубину, конструктивность ее проблематизации и нахождение эффективного способа разрешения проблемы.

Контргипотеза заключалась в том, что символическое опосредование и артикуляция символа в самопознании ведут к исчезновению проблемной ситуации из фокуса активного сознания и из процесса поиска решения проблемы.

В связи с методической проблемой в исследовании проверялась **вторая гипотеза**, уточняющая первую, согласно которой применение в качестве средств самопознания символических «фигур», «интерьеров» и «ландшафтов» полно раскрывает индивидуальность проблемной жизненной ситуации и позицию личности по отношению к ней.

В качестве цели эмпирического исследования выступило изучение *влияния символов на процесс и результаты рефлексии проблемной жизненной ситуации*.

Реализации цели послужило решение следующих конкретных задач:

1. Разработка методики символического опосредования рефлексии проблемной жизненной ситуации.
2. Сравнение процессов и результатов рефлексии, опосредованной и не опосредованной символами.
3. Выявление типов самопознания и разрешения проблемной жизненной ситуации в зависимости от характера и эффективности его символического опосредования.
4. Изучение возможностей использования различных символических образов и их артикуляции при самопознании в контексте консультирования личности.

Процедура эмпирического исследования предполагала моделирование трех разных способов самопознания проблемной ситуации на основе применения следующих **методических приемов**:

- 1) «Методики рефлексии пяти проблем» Е. Б. Старовойтенко;
- 2) методики самопознания при посредстве символических фигур;
- 3) методики самопознания при посредстве символических фигур — ландшафтов — интерьеров.

Последовательность способов самопознания варьировалась для разных испытуемых, т. к. было необходимо исключить ее влияние на эффективность каждого из способов.

Рассмотрим **индивидуальный случай** эффективного применения всех трех способов самопознания проблемной жизненной ситуации.

Юлия, 23 года.

На первой встрече Юлии была предложена работа с художественными изображениями архетипических фигур. Как и все участники исследования, она была заранее предупреждена о том, что ей предстоит анализировать и решать одну или несколько проблем своей актуальной жизни тремя разными способами. Далее называлась последовательность способов, предложенная данному испытуемому. Для Юлии эта последовательность была такой: «На первой встрече вы будете решать поставленную вами проблему с помощью «фигур», на второй встрече — с помощью «фигур», «ландшафтов» и «интерьеров», а на третьей вы будете искать решение проблемы, вступая с собой в рефлексивный диалог».

На *первой встрече* Юлии было предложена работа с изображениями символических фигур. Она назвала проблему, связанную со значимыми для нее отношениями, хотя ей, наряду с другими участниками, было рекомендовано начать с наименее эмоционально значимых проблем. Озвученная проблема была охарактеризована как «неожиданная и странная» и формулировалась так: «Я испытываю непонятные чувства к лучшему другу своего парня». Для обозначения проблемы Юлия выбрала 5 символических картин: «Первые шаги» Леона Бонна, «Отец» Татьяны Л., «Иштар» А. А. Исачева, «Давид и Голиаф» Антонию Занчи и «Портрет неизвестной» Д. Г. Левицкого. После того как Юлии было предложено «создать образ ситуации с помощью этих картин», она незамедлительно распределила выбранные портреты по трем локусам:

- 1) «это отношения, в которых я нахожусь сейчас» — «Портрет неизвестной» и «Давид и Голиаф»;
- 2) «это то, что могло бы быть, если бы я была свободна» — «Отец» и «Первые шаги»;
- 3) «эта картина мне просто очень нравится, хотя это и очень простая картинка» — «Иштар».

Далее Юлии было предложено описать каждую картину, рассказать, что у картины общего с ее проблемой. Она описывала не картины, а их группы, превращая локусы в сюжеты.

Основным мотивом описания *первой* группы картин была отрешенность, холодность и неукоснительное следование нравственным нормам фигуры с «Портрета неизвестной» в сочетании с приписываемым ей страхом оставить партнера и бережностью по отношению к нему. «С ним может случиться вот это» — то, что случилось на картине с Голиафом. «Его это отчасти разрушит, а может, и гораздо сильнее, чем мне сейчас кажется и чем он может пережить». Юлия опередила вопрос исследователя: «Кто есть кто на картинах?», сказав: «Причем это, скорее всего, общий процесс». Она пояснила: «Он тоже, возможно, не уходит, потому что боится, что я буду страдать... и при этом он все равно оказывается в опасности, если я уйду».

Описывая вторую группу картин, Юлия радостно и взволнованно рассказывала, какое удивительно взаимопонимание присутствует в ее общении с другом ее партнера. «Это могут быть очень глубокие чувства, он похож на моего отца, а я — на его мать, поэтому мы так хорошо друг друга понимаем». В то же время содержания этих картин переживались ею как нечто недоступное, как то, что «уже было и никогда не будет, может быть только наигранным, хотя и увлекательным, но ненастоящим». Юлия не идентифицировала себя с данной группой картин, однако обнаружила, что содержания, связанные с ними, имели отношение к ее родительским фигурам и родителям друга ее партнера, а также к способам их взаимодействия и особенностям взаимовосприятия. Именно при работе с этими картинами Юлия пришла к выводу, что ее «непонятные чувства» могут быть взаимными, но по какой-то причине это «было в мечтах»; она не думала о взаимных чувствах как о «реально возможном». Работая с данной группой картин, она оценила свою «неготовность к решительным действиям» в отношениях с другом партнера как нежелание что-либо предпринимать и менять. Выводы о том, что чувства вполне реальны и могут быть взаимными, и о том, что в данный момент она не готова к тому, что называла «решительными действиями», были определены и Юлией, и исследователем как основные результаты самопознания.

Описание третьей «простой картинки» сопровождалось сильными эмоциями. Юлия идентифицировала себя с «Иштар», сказав, что она, в отличие от Юлии, «сильна и решительна», «не думает над каждым шагом, будет ли он правильным», а «смотрит на мужчину, предполагает, что ждать от него, и действует». Все три категории картин воспринимались Юлией как «отдельные», она даже сообщила, что «между ними что-то вроде вакуума» и они «несоединимы».

Во время второй встречи Юлия размышляла о проблеме, тесно связанной с предыдущей. Она думала, как поступать в ситуации, в которой она переживает влюбленность в друга своего партнера, и предполагает, что чувства могут быть взаимными. Юлии было предложено выбрать несколько символических фигур, ландшафтов и интерьеров, которые представляются ей значимыми для понимания ситуации. Среди изображений символических фигур она выбрала: «Иштар», «Давид и Голиаф», «Наказанный» Л. Ж. Б. Перро и «Отец». Затем были выбраны изображения ландшафтов и интерьеров. После того как «персонажи» и образы «хронотопа» были соотнесены Юлией друг с другом и своей ситуацией, картины снова распределились по трем группам:

1) «Давид и Голиаф» оказались в окружении космического корабля, угла маленькой городской квартиры с картины «В моей комнате» Иоганны Моритц-Хохман и изображения письменного стола 80-х гг. XX в.;

2) рядом расположились «Наказанный» и «Отец»;

3) картина «Иштар» была размещена вместе с изображением острова с домом возле берега и картиной «Любимый отдых» Л. Альма-Тадемы, изображающей римскую терму.

Первая группа воплощала отношения Юлии с ее партнером. Вторая — обиды и потребность в заботе, которые стали причиной желания начать новые отношения. Третью группу Юлия обозначила так: «То, что бы я хотела, что приносит мне радость». Юлия обратила внимание на то, что для образа друга партнера и ее собственных обид не нашлось подходящего «места» и «времени», оценила его отсутствие как «правильное», громко иронично прокомментировав: «Да для него тут даже места нет!» Далее она указала на значимость пространств, связанных с картиной «Давид и Голиаф», подчеркнув важность отношений с партнером для нее, рассказала об их общих ценностях и планах. Поскольку одним из хронотопических образов первой группы картин был космический корабль, Юлия обратила внимание на «слабую связь» ее планов с «реальной действительностью», предположила, что оторванность планов от реальной жизни является причиной ее тревоги в связи с другими людьми, «более включенными в жизнь» ее партнера, чем она сама. В свою очередь, перед картиной «Иштар» и двумя связанными с ней образами Юлия больше молчала, но итогом молчания стал вывод: «Я существую отдельно от этих двух, отношения — это еще не все, у меня своих проблем хватает».

На третьей встрече Юлия работала с помощью «Методики рефлексии пяти проблем», моделирующей дискурсивно-логическое самопознание, над новой проблемой: «Я работаю не по специальности, и так как у меня мало опыта, я чувствую, что теряю квалификацию». На вопрос «В чем я вижу пути решения проблемы?» — она ответила: «У меня уже 8 месяцев стажа, но можно сказать, что год» — и назвала три варианта решения проблемы, связанных с наличием определенного опыта работы. Ответ на вопрос: «Что я реально делаю для решения проблемы?» — был короток: «Ничего». Ему предшествовала небольшая пауза, во время которой Юлия улыбалась. Ответ на следующий вопрос: «Каковы промежуточные и конечные результаты решения проблемы?» — был более развернутым: «Увы — вот каковы. Время идет само, а мне страшно даже подумать об этом. Болтаюсь, смотрю кино и ссорюсь с коллегами». На вопрос: «Удовлетворяют ли меня результаты решения проблемы?» — Юлия ответила: «Нет, конечно. У меня есть много способов выхода из таких состояний, но я не могу, потому что это состояние слишком долго длится». Последний вопрос: «Как оценивают другие люди результат решения проблемы?» — обсуждался меньше всех: «Родители довольны, но у них вообще другой уровень притязаний; друзья — когда как, по настроению». Итог работы с «Методикой рефлексии пяти проблем» прозвучал неожиданно для исследователя: «Мне очень не нравится то, что происходит; я теперь хочу перейти к решительным действиям. Давай спорим, что я поменяю работу!»

Четвертая встреча с Юлией состоялась приблизительно через год после работы с символами и методиками, и когда была затронута тема описанной выше работы над проблемами, она вспомнила только об одной картине — «Иштар» А. А. Исачева. Юлия рассказала, что вскоре после работы с методиками отправилась в путешествие с родителями, «и там, когда купалась, гуляла, смотрела на разные вещи, сравнивала себя с этой женщиной». Она помнила результаты работы с картинами и «Методикой рефлексии пяти проблем», хотя сообщила, что «помнит далеко не все, и хотела бы получить записи наших консультаций», что у нее есть «чувство, будто прошло очень много лет».

Юлия выразила желание поработать с актуальными проблемами, обусловленными несколькими поступками, которые она совершила приблизительно через два месяца после участия в исследовании. Вернувшись из поездки, она прекратила отношения с партнером, о котором говорила на первой встрече, и ушла с работы, о которой рассказывала на последней встрече. Работа с методиками оказалась для Юлии интегрирующей ее представления о своей жизни. По мнению Юлии, три консультации стали одной из причин инициированных ею впоследствии жизненных перемен.

Кроме анализа индивидуальных случаев, результатом эмпирического исследования стала **тиปизация форм самопознания** на основе критерии эффективности рефлексии проблемной жизненной ситуации при использовании дискурсивно-логических и символических средств.

После изучения и интерпретации материалов встреч исследователя с 33 участниками было выявлено три типа самопознания:

- дискурсивно-логическое самопознание;
- символ — опосредованное самопознание;
- гармоничное самопознание.

1. Особенность первого типа состоит в том, что символические «орудия» самопознания не способствуют индивидуализации жизненной ситуации и нахождению решения проблемы. При этом индивидуализация и проблематизация жизненной ситуации происходят, когда работа идет в основном мыслительным, логическим путем. В случае, когда представители данного типа (6 человек) начинают искать образные аналоги своей жизненной ситуации, они испытывают сильное сопротивление работе с символическими картинами или же, напротив, легко и увлеченно соотносят картины с содержаниями жизненной ситуации, но не обращаются при этом к проблеме как таковой. Оперирование символами становится игрой, формой общения с исследователем, эстетически приятным времяпрепровождением, но не соотносится с поиском и нахождением решения проблемы.

Характерно то, что участники исследования, обладающие первым типом самопознания, через некоторое время после завершения работы с символическими картинами хорошо помнят, что происходило как в процессе мыслительной фокусировки на проблеме, так и в процессе «игры» с символами.

2. У представителей *символ — опосредованное самопознание* (17 человек) были выделены три подтипа самопознания: опосредованное символами архетипических ландшафтов и интерьеров, опосредованное символами архетипических фигур, опосредованное «сюжетами» или группировками из ландшафтов, интерьеров и фигур. Половина представителей типа нашли решение своих проблем с помощью творческих символических «расстановок»; они одинаково продуктивно оперировали и всеми категориями символических изображений.

Представители данного типа самопознания быстро забывают то, как обращались с символами во время беседы с исследователем. Они помнят только свои выводы и способы разрешения проблем, которые находили.

3. Для представителей *гармоничного самопознания* (6 человек) одинаково эффективными оказались дискурсивно-логический и опосредованный символами поиск решения жизненных проблем. Проблемы и их решения моделировались как актуальные и будущие моменты жизни участника, выражаемые в понятийной и образной формах, подробно поясняемых в рассказе о своей жизненной ситуации. У всех носителей данного типа наблюдалась тен-

денция к большей эффективности работы с символическими ландшафтами и интерьерами, чем с символическими фигурами.

Четверо участников нашего исследования указали на несоответствие предлагаемых им методических приемов своему опыту и своей жизненной ситуации. Они демонстрировали произвольную или непроизвольную отчужденность от заданий исследователя, но, тем не менее, посетили три встречи с ним и пытались работать со своими проблемами с помощью всех трех методик. В данном случае имел место уход от самопознания в связи с субъективной невозможностью воспользоваться символами и рефлексивными вопросами, предъявляемыми исследователем. Следует отметить, что наибольшее количество защитных реакций и отрицательных эмоций вызывали изображения архетипических фигур, в то время как изображения ландшафтов и интерьеров оставались хаотично перебираемыми, непонятными или незамеченными.

В результате проведенного анализа текстов участников и их действий с изображениями были сделаны заключения об *особенностях такого типа самопознания, как символ — опосредованное самопознание проблемной жизненной ситуации*.

Применение в самопознании символических ландшафтов и интерьеров способствует индивидуализации жизненной ситуации: человек получает доступ к тем содержаниям своей жизни, которые ранее не сознавал, не принимал или обесценивал. Привычные пространственно-временные границы жизни смещаются, перестраиваются, раздвигаются. «Чужое» становится «моим», «далекое» — «близким», «общее» — «的独特ным», «давнее» — «актуальным». Ситуация в символическом осмыслиении раскрывает свой конфликт и тот вариант разрешения, который воссоздаст ее целостность.

Особое внимание многие участники исследования уделили проблемной рефлексии своих жизненных отношений. Эксплицируемая проблема осмысливалась как индивидуальная, которая может быть решена в согласии личности с собой. В связи с активностью функций индивидуализации и проблематизации символов участники начинали видеть в своей «незначительной» ситуации жизни «вечные», «всечеловеческие», «общезначимые» содержания, говорили об избытке жизненных смыслов, связанных с символом, и трудностях их выражения.

Представляется интересным, что самопознание, опосредованное только символическими фигурами, приводит к редуцированному видению жизненной ситуации; одновременное проявление многих функций символов встречается реже, чем в самопознании с помощью символических ландшафтов и интерьеров. Специфически разворачивается проблематизация анализируемой ситуации: участник исследования видит ограниченное число вариантов осмыслиния проблемы и последовательно переключается с одного способа решения проблемы на другой, не фокусируясь ни на одном из них.

Анализ высказываний респондентов показал, что, осуществляя дискурсивно-логическое самопознание, представители типов символически опосредованного самопознания не обращаются к символизации содержаний рефлексии. При этом некоторые представители «логического» типа и ряд представителей «гармоничного» типа во время работы с «Методикой рефлексии пяти проблем» активно обращались к символам и метафорам, находя в них возможности акцентировать нюансы, детали, тонкие связи элементов проблемной ситуации, а также придать действенность, конкретность, «наглядность» найденному решению проблемы.

В целом гипотезы о том, что применение и речевая артикуляция символов в рефлексии жизненной ситуации обеспечивают глубину, индивидуальность, конструктивность ее проблематизации и нахождение эффективного способа разрешения проблемы, получили в исследовании убедительное подтверждение.

Полагаем, что исследование может быть продолжено в двух направлениях: 1) изучение возрастных особенностей применения *символов в рефлексивных высказываниях* о жизненных проблемах; 2) изучение роли символа как средства речевого обращения к Другому, диалога с другими и с собой. В аспекте применения разработанных методов и результатов нашего исследования в практике консультирования личности перспективными выглядят изучение рисков использования в самопознании символических образов, поиск способов минимизации этих рисков и преодоления тенденций «поглощающей», неартикулируемой идентификации с архетипическими фигурами.

The purpose of this study is to theoretically and practically substantiate the efficacy of new methods for symbolic mediation of self-cognition focused at problematic life situation. There studied the reflection of life problem performed with discursive and logical means as well as symbolic figures, landscapes and interiors. Handling the symbols is made explicit in the person's texts on possible solutions to problematic situation. Study outputs are the model of a word-symbol; the model of symbol's individuality; the model of self-cognition's life functions with accent at individualization; analysis of the case of symbolic mediation of the reflection of life problem; the typology of self-cognition forms based on productivity of different mediation ways. There substantiated the hypothesis about developing potential of different symbols' categories as to realization of «chronotop», «participants» and «main hero» pertaining to the problematic situation. There outlined the prospects for application of the study results in psychotherapy.

Keywords: life, personality, self-cognition, problematic situation, symbols, word-symbol, individuality, reflection means, symbolic figures, symbolic landscapes and interiors, type of self-cognition.

Литература

1. Барт, Р. Семиотика. Поэтика / Р. Барт // Избр. раб. — М., 1994.
Bart, R. Semiotika. Pojetika / R. Bart // Izbr. rab. — M., 1994.
2. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. — М., 2000.
Bergson, A. Tvorcheskaja jevoljucija / A. Bergson. — M., 2000.
3. Бердяев, Н. А. Самопознание : Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. — М. : Мысль, 1990.
Berdjaev, N. A. Samopoznanie : Opyt filosofskoj avtobiografii / N. A. Berdjaev. — M. : Mysl', 1990.
4. Буякас, Т. М. Личностное развитие в условиях самопонимания, опосредованного символами / Т. М. Буякас // Вопр. психологии. — 2000. — № 1. — С. 96—108.
Bujakas, T. M. Lichnostnoe razvitiye v uslovijah samoponimanija, oposredovannogo simvolami / T. M. Bujakas // Vopr. psihologii. — 2000. — № 1. — S. 96—108.
5. Дильтей, В. Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей // Собр. соч. : в 6 т. — М., 2001. — Т. 4.
Dil'tej, V. Germenevtika i teorija literatury / V. Dil'tej // Sobr. soch. : v 6 t. — M., 2001. — T. 4.
6. Лосев, А. Ф. Из творческого наследия: современники о мыслителе / А. Ф. Лосев. — М. : Рус. мир, 2007.
Losev, A. F. Iz tvorcheskogo nasledija: sovremenniki o myslitele / A. F. Losev. — M. : Rus. mir, 2007.
7. Нойманн, Э. Происхождение и развитие сознания / Э. Нойманн. — М. : REFL-book, 1998.
Nojmann, Je. Proishozhdenie i razvitiye soznanija / Je. Nojmann. — M. : REFL-book, 1998.
8. Петровский, В. А. Наука личности: четыре проекта общей персонологии / В. А. Петровский, Е. Б. Старовойтенко // Психология : журн. Выssh. shk. ekonomiki. — 2012. — Т. 9, № 1. — С. 21—39.
Petrovskij, V. A. Nauka lichnosti: chetyre proekta obshhej personologii / V. A. Petrovskij, E. B. Starovojtenco // Psichologija : zhurn. Vyssh. shk. ekonomiki. — 2012. — T. 9, № 1. — S. 21—39.
9. Пруст, М. В поисках утраченного времени : в [7] т. / М. Пруст. — Т. 2 : Под сенью девушек в цвету. — М. : Крус, 1992.
Prust, M. V poiskakh utrachennogo vremen'i : v [7] t. / M. Prust. — T. 2 : Pod sen'ju devushek v cvetu. — M. : Krus, 1992.
10. Старовойтенко, Е. Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни / Е. Б. Старовойтенко. — М. : Акад. проект, 2004.
Starovojtenco, E. B. Sovremennaja psihologija: formy intellektual'noj zhizni / E. B. Starovojtenco. — M. : Akad. projekt, 2004.
11. Старовойтенко, Е. Б. Потенциал слова в индивидуальной жизни / Е. Б. Старовойтенко // Мир психологии. — 2008. — № 2. — С. 80—93.
Starovojtenco, E. B. Potencial slova v individual'noj zhizni / E. B. Starovojtenco // Mir psichologii. — 2008. — № 2. — S. 80—93.

12. Шпенглер, О. Закат Европы : Очерки мировой истории / О. Шпенглер. — М. : Мысль, 1993. — Т. 1.
Shpenglér, O. Zakat Evropy : Ocherki mirovoj istorii / O. Shpenglér. — M. : Mysl', 1993. — T. 1.
13. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. — М. : Прогресс, 1993.
Jung, K. G. Problemy dushi nashego vremeni / K. G. Jung. — M. : Progress, 1993.
14. Юнг К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. — СПб. : Ювента ; М. : Прогресс, 1995.
Jung K. G. Psihologicheskie tipy / K. G. Jung. — SPb. : Juventa ; M. : Progress, 1995.
15. Юнг, К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К. Г. Юнг. — М. : АСТ-ЛТД, 1998.
Jung, K. G. Vospominanija, snovidenija, razmyshlenija / K. G. Jung. — M. : AST-LTD, 1998.
16. Юнг К. Г. Символы трансформации / К. Г. Юнг. — М. : АСТ, 2008.
Jung K. G. Simvolы transformacii / K. G. Jung. — M. : AST, 2008.
17. Юнг, К. Г. Красная книга / К. Г. Юнг. — М. : CASTALIA, 2013.
Jung, K. G. Krasnaja kniga / K. G. Jung. — M. : CASTALIA, 2013.

B. A. Пономаренко

В Слове — позиция. В Слове — смысл жизни и деятельности¹

В статье обсуждаются специфические характеристики человека, чьей профессией становится летная деятельность, особые психические состояния, описываемые летчиками: состояния восторга, ответственности, потребности в самосовершенствовании, росте своего «Я». Слово, характер высказываний четко фиксируют реальную их жизненную позицию — позицию не только по отношению к профессии, но и к жизни, к себе.

Ключевые слова: слово, позиция, смысл, состояние.

Смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для будущих людей. Быть сознанием Вселенной и Совестью человечества.

С. Л. Рубинштейн

В «Слове — позиция»! Так я назвал свою книгу, посвященную летному делу, и прежде всего летчикам-профессионалам, их сложной, ответственной работе, поднимающей их ввысь, в небо и возвышающей в миропонимании и отношении к себе, к людям. Собственно, это не столько производственный потенциал, сколько духовный феномен внутреннего мира профессионала, заполненного двумя образами мира: Земли и Неба — с их смыслами и значениями, что и создает в подсознании энергетику противостояния обычной регламентной жизненной колеи. Психологическая тонкость здесь в том, что это надсоциальный феномен, глубоко спрятанный в индивидуальном подсознании, которое аутизирует откровения. Отсюда произрастают корни психологической атмосферы корпоративности, в значительной степени определяющие глубоко скрытый истинный духовный образ Мира Небесного.

Авиационные и космические психологи Ф. Д. Горбов, В. Б. Богдашевский, Л. П. Гримак, Н. Д. Завалова, В. А. Попов в разное время формулировали гипотезу о том, что человек в полете по-другому, чем на Земле, воспринимает себя в пространстве и времени. Мною тоже было подмечено, что это «другое» обусловлено личностным смыслом и соотносится с потенциями внутреннего «Я». Личностный смысл профессии обогащался особого рода информацией, не встречающейся на Земле. Отсюда и другой персонифицированный образ.

Устанавливая механизмы психической регуляции **духовных**, психосоматических резервов, надежности деятельности в неземной среде Обитания, мы столкнулись с необходимостью видоизменить методологию исследования образа профессионального мира. Дело в том, что научный инструментарий психологии труда был предназначен для объективизации профессиографии в сочетании с регистрацией физиологической цены труда. Образ мира, даже

¹ Статья написана с использованием материала на основе двух книг автора [2; 3], в которых приведены документальные данные о позициях летчиков, воспроизведенных ими в Словах.

Наши авторы

Анисимов Олег Сергеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: shalankina@ur.rags.ru (Ольге Шаланкиной для О. С. Анисимова).

Аристова Екатерина Павловна — аспирантка кафедры истории зарубежной философии ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет». E-mail: luca15@yandex.ru

Бондырева Светлана Константиновна — доктор психологических наук, профессор, ректор НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет», академик РАО, действительный член АПСН. E-mail: pk@mpsu.ru

Горобец Татьяна Николаевна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: epyfis@mail.ru

Дубянский Святослав Игоревич — член Творческого союза художников России, Заслуженный художник РФ. E-mail: s.dubyanskiy@mail.ru

Зубко Галина Васильевна — доктор культурологии, доцент, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства ФГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». E-mail: gal_zubko@yandex.ru

Иванов Сергей Петрович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет», действительный член АПСН. E-mail: luca15@yandex.ru

Кириллова Елена Игоревна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии личности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: ekirillova@hse.ru

Ключко Виталий Евгеньевич — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и педагогической психологии ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». E-mail: root@klo.tsk.ru

Мажуль Лидия Алексеевна — кандидат биологических наук, член Международной ассоциации эмпирической эстетики. E-mail: vladmpetrov@yandex.ru

Марков Василий Николаевич — доктор психологических наук, профессор, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: v_n_markov@mail.ru

Марцинковская Татьяна Давидовна — доктор психологических наук, профессор, заведующая Лабораторией психологии подростка ФГНУ «Психологический институт» РАО, заведующая кафедрой возрастной психологии ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет». E-mail: marsinkovskaya@isiscreate.ru

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт философии Российской академии наук». E-mail: abaelardus@mail.ru

Нигамедзянов Аскар Анварович — студент 2-го курса ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет». E-mail: luca15@yandex.ru

Никитина Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела психолингвистики ФГБУН «Институт языкоznания Российской академии наук». E-mail: m1253076@yandex.ru

Осипова Анастасия Олеговна — магистр психологии, аспирантка кафедры психологии личности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: helestaoS@yandex.ru

Петров Игорь Григорьевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры методологии социологических исследований ФГOU ВПО «Московский государственный университет им М. В. Ломоносова». E-mail: s.dubyanski@mail.ru

Пигалев Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и религиоведения ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет». E-mail: pigalev-volg@mail.ru

Пономаренко Владимир Александрович — доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского испытательного института военной медицины МО РФ, член-корреспондент РАО. E-mail: luca15@yandex.ru

Розин Вадим Маркович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт философии Российской академии наук». E-mail: rozinvm@mail.com

Сайко Эди Викторовна — доктор исторических наук, профессор психологии, заместитель редактора журнала «Мир психологии», член-корреспондент РАО, действительный член АПСН. E-mail: saiko2003@mtu-net.ru

Соловьев Олег Владимирович — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Восточно-украинского национального университета им. В. Даля. E-mail: oleg@iws.com.ua

Старовойтенко Елена Борисовна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: helestaoS@yandex.ru

Степанова Валентина Васильевна — кандидат психологических наук, заведующая Лабораторией междисциплинарных исследований «Сопровождение ИКТ-технологий в образовательном процессе» при Областном центре информационных технологий Министерства образования Новосибирской области, ведущий специалист научно-практического центра «Гармония» г. Смоленска. E-mail: stepanowa.valent@yandex.ru

Толстых Наталия Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет». E-mail: nnvt@list.ru

Цымбаленко Сергей Борисович — доктор педагогических наук, кандидат философских наук, президент молодежного объединения ЮНПРЕСС. E-mail: sbz_2@mail.ru

Шадриков Владимир Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии, научный руководитель факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», академик РАО. E-mail: shadrikov@hse.ru

Содержание**Часть I****Мысли, позиции, идеи, высказанные
в журнале на дистанции 20 лет**

Нам 20 лет	3
----------------------	---

Часть II**Слово: сказанное, услышанное, увиденное, понятое,
принятое, действенное в восхождении мысли и дел Человека**
*От редколлегии. Слово как конструкт в становлении
и осуществлении человеческого бытия* 69**Пространство действия и смысловая нагрузка слова**

Шадриков В. Д. Образ и слово	80
Неретина С. С. Августин о неделимом	87
Розин В. М. Слово за чертой словарей и повседневности	99
Зубко Г. В. «В начале было Слово...», и Слово дало начало словам	105
Степанова В. В., Толстых Н. Н. Путь к слову	110
Горобец Т. Н. Слово как сигнал символов	121
Петров И. Г., Дубянский С. И. Ключевое слово: смысл и статус (текст — произведение)	128

Слово действенное, слово решающее

Ключко В. Е. От слова к мысли: становление сознания в онтогенезе и этапы когнитивного развития	134
Анисимов О. С. Знак, речь и субъективность (о зависимости между языком, речью и субъективностью)	148
Бондырева С. К., Иванов С. П. Стихийная речевая деятельность во взаимодействии поколений как условие трансляции социального опыта	162
Осипова А. О., Старовойтенко Е. Б. Символ-слово в поиске решения жизненных проблем	173
Пономаренко В. А. В Слове — позиция. В Слове — смысл жизни и деятельности	186
Кириллова Е. И. Интенциональная структура слова в психотерапевтической помощи Другому	190

Означивание в психическом развитии индивида

Соловьев О. В. О функции семиотической связи объективного мира и «мира человеческой психики»	201
---	-----

**Язык и речь в организации социального пространства
и динамике культурно-исторического развития**

Пигалев А. И. Искусственные языки экономического человека и закон необходимого разнообразия	213
--	-----